

Город в синтетическом разрезе

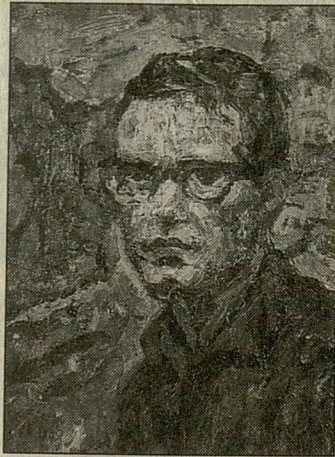
Культура. — 2003 — 19-25 июня. — с. 10

Алексея ЛАЗЫКИНА больше знают за границей, чем в России. Хотя после окончания в 1956 году Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина он — постоянный участник значительных московских, российских и всесоюзных выставок. Но он работал в своеобразной живописной манере, много пробовал, искал, экспериментировал в тех направлениях, которые официально не поощрялись. И первые персональные выставки его работ состоялись с 1993-го по 1999 год в Италии. Прошли они с большим успехом, о чем говорит длинный перечень мест, где они экспонировались: Милан, Рим, Болонья, Флоренция, Венеция, Мантуя, Модена и еще с десяток городов. Алексей Лазыкин подолгу жил в Италии, много там работал. И только теперь европейски признанный русский живописец, картины которого находятся в музеях и частных собраниях многих стран мира, устраивает первую персональную выставку в России, в Москве. Она приурочена к 75-летию художника и открыта в залах Товарищества живописцев Московского союза художников на 1-й Тверской-Ямской улице, 20. Представлено 80 работ. Для сравнения — на его выставке в Милане экспонировалось 400!

— Как получилось, что вы оказались столь востребованы в Италии, да еще в такое тяжелое для российского искусства перестроечное время?

— Совершенно на первый взгляд случайно. Как-то мне позвонил из Петербурга находившийся там президент Международного фонда информатики и культуры Армандо Вердильоне и выразил желание посмотреть мои картины. Он, оказывается, видел некоторые из них на групповой выставке работ московских художни-

ков, проходившей в Париже. Приехал в Москву, посетил мою мастерскую и вначале отобрал сто работ для выставки в Италии. Она состоялась сперва в Милане, потом в Риме, а затем, почти в течение десяти лет, во многих других городах. Это были первые мои персональные выставки. И в такой божественной стране, как Италия! Для них предоставлялись прекрасные, престижные залы. Их хорошо принимала и пресса, и критика, художественные и деловые круги. Со мной был заключен многолетний

А.Лазыкин. "Автопортрет". 1968 г.

контракт, в котором, в частности, было оговорено издание роскошного каталога. Вот он — посмотрите! О таком каталоге можно только мечтать! Я со своей семьей был приглашен в Италию, мне были предоставлены все условия для жизни и работы. Мы попали словно в сказку! Словом, я оказался в хороших, надежных и добрых руках.

— Ваш творческий успех, естественно, обернулся материальными выгодами...

— Конечно. Это было очень кстати. В 1990 году на меня обрушилось страшное горе — умер мой тридцатитрехлетний сын Дмитрий, осталось

двое маленьких детей. Мне пришлось содержать две семьи, что в тех наших условиях было почти невозможно. Поэтому неожиданное предложение итальянского Международного фонда я считаю счастливым провидением. Мог ли я мечтать об этом!.. Я получил возможность десять лет нормально жить и работать, не думая о завтрашнем дне.

— После Италии в России, наверное, трудно живется? Покупают ли здесь ваши работы?

— Нет. В художественные салоны что-либо предлагать бесполезно. Спонсоров найти трудно. Но самая главная беда всех нас, художников, — отсутствие какой-либо рекламы выставок, новых работ. В России еще не сформировался цивилизованный художественный рынок, такой, как на Западе.

— Вы продолжаете сотрудничать с Фондом Армандо Вердильоне?

— Да. Но теперь он предполагает экспонировать мои картины в других странах. Например, в Англии...

— В Италии вы показывали только русские работы. А когда вы познакомите наших и зарубежных зрителей со "своей" Италией?

— В Италии я действительно много работал. В Москву привез массу рисунков, набросков, эскизов, этюдов. На основе этого богатейшего материала хочу создать серию картин об Италии. И покажу их прежде всего в Москве. Однако на нынешней выставке таких работ пока мало.

А еще меня сильно занимает Пушкинская тема. Тем более что я приобрел дом в Малинниках, в Тверской области, воспетых великим поэтом. Малинники стали моими "Пенатами", здесь я подолгу живу, работаю, вживаюсь в новые для себя образы.

— Каковы ваши творческие принципы?

— В институте я учился у Бориса Иогансона. А тот, в свою очередь, у Константина Коровина. Он старался привить нам традиции, заложенные в Серебряном веке русского искусства. Поэтому для меня главное в живописи — правда, подлинность, не только изобразительная, профессиональная, но мной пережитая, прочувствованная. В каждой картине — моему. Я стремлюсь не повторять единожды найденный прием, язык, стилистический строй. Даже цвет в каждой работе — уникален, неповторим, присущ только ей, я не перетаскиваю его из холста в холст, как часто это делают. Меняется живописный язык — меняюсь и я сам. Каждая моя картина — определенное душевное, эмоциональное состояние. По моему, законченность картины — это экспромт, непредсказуемый и подчас парадоксальный. Это — как тетива натянутого лука.

— На вашей выставке представлены и портрет, и пейзаж, и натюрморт, но главный герой — все-таки город?

— Вот именно — город и город. В основном я — урбанист. Архитектуру

полюбил еще в Петербурге, где проучился десять лет. В Москве я с 1956 года, и у меня уже есть любимые московские места: Таганка, Андроников монастырь, что над Яузой... Но для меня это не просто высокочтимые достопримечательности — это пластические образы, мной сопережитые, всегда волнующие и трогательные. А ведь не секрет, что некоторые художники пишут городские виды с цветных слайдов. Как это холодно, мертво, равнодушно, ни душевного трепета, ни личностного отношения! Хотя порой картины и умело сделаны.

— Ваша живопись оригинальная, вполне современная, но всегда ли она реалистична?

— Конечно, я — реалист. Правда, не в упрощенном понимании этого направления. Но вы верно заметили, что на выставке показаны работы, написанные в иной стилистике. Например, синтетического кубизма. Есть работы, исполненные под некоторым влиянием французских постимпрессионистов — Сезанна, Матисса, а также русских импрессионистов начала прошлого века. И я считаю это вполне закономерным в развитии своего творчества. Как, впрочем, и в творчестве многих других русских, порой выдающихся мастеров. Я много пробую в цвете, колорите, тональности, пластике...

— Вы относите себя к московской школе живописи?

— Я — приверженец ее традиций. К

ней принадлежат многие замечательные художники нашего времени. Назову прежде всего такого крупного живописца, как Иван Сорокин, он — колорист от Бога. Мне нравятся живопись Эдуарда Брагоского. Его картины привлекают подлинностью чувств, красотой письма. Прекрасные живописцы Ефрем Зверьков, Валентин Сидоров, Андрей Тутунов. Назову еще братьев Ткачевых. В своей картине "Между боями", они, по-моему, продемонстрировали высший класс картинности.

— Ваше оптимистическое отношение распространяется на все наше современное искусство?

— Пожалуй, нет. Классическая реалистическая живопись сейчас как бы отгеснена к обочине разными модернистскими течениями. Но она, несомненно, возродится. А нынешний авангардизм, которому и я отдал определенную дань, бесперспективен. Он уходит в чистую геометрическую абстракцию, в бездуховный схематизм, в набор бессмысленных ребусов, что несовместимо с подлинным, живым искусством. Конечно, авангардизм имеет право на существование, но в основном как пробы, эксперименты, лабораторные исследования в рамках творческой кухни.

В этом я убедился после своей работы в Италии, знакомства с итальянским современным искусством. Там проходит примерно такой же процесс развития, как и у нас.

— У нас многие художники сейчас вновь увлеклись Малевичем. Насколько это перспективно?

— К Малевичу у меня сдержанное отношение, хотя, безусловно, он прекрасный художник. Он создал новую икону XX столетия, но она не обращена к человеку, она уходит в космос. Ведь сам Малевич, когда пришел к "Черному квадрату", как бы поставил точку: все было и все уже кончилось. Но потом, заметьте, он обратился к средневековому искусству, к эпохе Возрождения.

У нас последователи Малевича в основном лишь перепевают — и не лучшим образом — его стилистику и сюжеты. Ничего нового они не добавляют. А тогда зачем это? Многие просто спекулируют на нем, чтобы прикрыть свою элементарную профессиональную безграмотность. Посмотрите, каким пыльным цветом расцвел дилетантизм, как упала некогда прославленная русская школа живописи. Вот как обернулась для нашего искусства так называемая свобода творчества, творческая вседозволенность, которой, оказывается, нужно уметь пользоваться. Впрочем, не только в искусстве.

Нет искусства "левого" или "правого". Есть одно Искусство во всем его великом многообразии!

Беседу вел
Евграф КОНЧИН